

5. Словарь русской пищевой метафоры. Вып. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 434 с.

6. Словарь русской пищевой метафоры. Том 2: Гастрономическая деятельность / авторский коллектив А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 556 с.

7. Словарь русской пищевой метафоры. Том 3: Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности / авторский коллектив А. В. Балдова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 346 с.

Е. В. Купчик

Вино в русских поэтических текстах: метафорические модели

В статье рассматриваются реализации метафорических моделей, объективирующие концепт «вино». Материалом для исследования служит обширный корпус русских поэтических текстов XVIII-XXI вв., в которых выявляются образные соответствия вина. Вино предстает как существо, божий дар, свет, огонь, драгоценность, жидкость и др. Метафорические модели отражают разнообразные характеристики напитка, положительное и отрицательное представление о вине.

Ключевые слова: вино, метафорическая модель, русская поэзия, поэтический текст.

Kupchik Elena

Wine in Russian Poetic Texts: Metaphorical Models

The article considers the realization of the metaphorical models, reflecting the concept wine/ The article is based on a wide corpus of the text fragments Russian poetry XVIII – XXI centuries, where comparisons between of wine. Wine on appears as being, gift of God, light, fire, jewel, liquid and other. Metaphorical models reflect various characteristics of the wine, positive and negative views about wine.

Key words: wine, metaphorical model, Russian poetry, poetic text.

Употребление алкогольных напитков, с давних времен являющееся важным элементом материально-бытовой жизни социума, одним из общественно значимых компонентов национальной ментальности, представляет значительный интерес для исследователей вследствие богатства его культурно-исторического содержания – как универсального, так и национально-специфического. Объекты данной концептуальной области включены в состав констант русской культуры [9]; их рассматривают на материале текстов разного рода – от паремий до рекламных текстов [2; 6].

Тема вина в русской литературе является традиционным объектом внимания исследователей. Одним из свидетельств филологического интереса к данной теме являются организованные Тверским государственным университетом научные конференции (2001, 2002 гг.) с публикацией их материалов в сборнике «Мотив вина в литературе».

Одним из свидетельств важности вина для русской культуры является его включенность в многочисленные образные соответствия, представляющие собой реализации ряда метафорических моделей (далее ММ), отражающих ассоциации напитка с разнообразными объектами материального и нематериального мира.

Традиционным для русской поэзии является «одушевление» напитка, уподобляемого человеку либо божеству, мифологическому существу. В стихах А.С. Пушкина и поэтов его круга вино играет существенную роль в создании живой и радостной атмосферы пира. Как отмечает А.Г. Бойченко, ядром философского смысла концепта «Питие» у Пушкина является диада «пир – дружба» [1, с. 16]; к друзьям причислено и вино, например: «Но ты, Бордо, подобен другу, / Который в горе и в беде, / Товарищ завсегда везде, / Готов нам оказать услугу / Иль тихий разделить досуг. / Да здравствует вино, наш друг». Душевным собеседником оказывается вино у Е. Баратынского: «Чем душа моя богата – Все твое, о друг Аи! / Ныне мысль моя не сжата / И свободны сны мои. / Вот теперь со мной беседуй, / Своенравная струя!». В «Евгении Онегине» данный вид вина противопоставляется бордоскому посредством следующего сопоставления: «Аи любовнице подобен, Блестящей, ветреной, живой, / И своенравной, и пустой»; юношеское увлечение шампанским сменяется более спокойной привязанностью к «благоразумному» Бордо. В реализациях ММ *вино – человек* вино предстает активным субъектом – например, гостем, пришедшим на пир и активно в нем участвующим. Вину свойственны разные проявления человеческих настроений, состояний, действий: оно, например, «И плачет, и поет, / И лечит, и пьянит» (И. Вагнер), может быть веселым, восторженным, влюбленным, печальным и т.д.; может сочетать в себе движение и звуки, ассоциирующиеся с живым существом: «Ах, что за странное вино – / Изабелла! / Не женщина ли выбежала в сад / И запела? / Не птица ли крылами на дороге / Забила?» (Ю. Левитанский).

Вино проявляет себя и как существо, наделенное значительным могуществом и способное оказать на человека серьезное воздействие – например, такое, как в стихотворении И. Бродского «Коньяк в графине – цвета янтаря...»: Коньяк вас превращает в бунтаря. ...Он сильно обрубает якоря / Всему, что неподвижно и статично». В старой русской поэзии вино неоднократно именуется «всемогущим», «властелином» и под. (А. Пушкин, В. Жуковский, В. Кюхельбекер и др.).

Сопоставления вина с *божеством* представлены главным образом в анакреонтических текстах, в которых вино является в образе соответствующего античного божества: это «Бахус пламенный» (Н. Языков), «Вакх

веселый» (К. Батюшков) и т.д. В стихах А. Пушкина, Е. Баратынского, П. Вяземского и других само именование божества неоднократно представит одним из обозначений вина – как, например, в пушкинском «Мальчику» о приоритете неразбавленного вина: «Вы же, воды, прочь теките / И струей, вину враждебной, / Строгих постников поите: / Чистый нам любезен Бахус»; также: «Весело хоть на мгновенье, / Бахусом наполнив грудь, / Обмануть воображенье / И в былое заглянуть» (А. Дельвиг).

К данной ММ тематически примыкает сопоставление вина с *божьим даром*, оцениваемом как нечто приятное. Вино – «веселый Вакха дар» (А. Пушкин), «дар бога Вакха волшебный» (Ф. Тютчев), «Вакха милые дары» (М. Лермонтов), «дар Ганимеда приветный» (Н. Раевский) и др. Связь с античным божеством обнаруживает себя и в реализациях таких ММ, как *вино – жидкость*, *вино-напиток* и т.д.

Значительный массив реализаций ММ вина базируется на сопоставлении вина с *кровью*. Вино издавна рассматривалось как символически связанное с кровью, что отражено не только в известном христианском таинстве, но и в древних обычаях заменять вином жертвенную кровь. Символика крови сходна с символикой вина в плане воплощения как жизни, так и смерти. Соответствующая ММ, в отличие от ограниченных анакреонтикой, оказывается в русской поэзии постоянной и основанной не только на цветовом сходстве, но и на способности играть, бурлить, текучести, например: «Играй, вино, на чистом дне, / Как кровь играет в юном теле!» (П. Вяземский); «Вино и кровь. И масть одна. / И так же в молодости бродят» (Л. Герт); «И вы, бутылки, вина льете! / Тела! Вы льете кровь из ран» (И. Северянин). Процесс изготовления напитка оказывается сродни жертвоприношению: «И из гроздов вино, как агнчу кровь, точили» (А. Майков). «Кровавое вино» неоднократно упоминается при обращении поэтов к ситуациям, чреватым пролитием настоящей крови – как, например, в «Пирושке» Б. Корнилова: душа разбужена «звоном бокала, стиха, палаша»; «И пьют за свободу, и скатерть / Залита кровавым вином». В «Балладе о безногом рояле» М. Зенкевича вино связывается с темой смерти: развалины виллы, «кровавый ноябрьский плющ» на остатках колоннады – «И погреб раскрыт, точно склеп фамильный, / И в землю по грудам стекла, / Разбивши столетний покой могильный, / Виноградная кровь стекла».

ММ *вино – кровь* представляет собой частный случай более общей ММ «*вино – орган*», как и «*вино – слезы*», например: «Чаши рдеют, словно розы, / И в развал их вновь и вновь / Винограда брызжут слезы, / Нервный сок его и кровь» (В. Бенедиктов). Вино-слезы, как правило, не имеет зловещего «кровавого» ореола, сопоставление основано на прозрачности, легкости; употребление такого напитка связано с чем-то радостным, например: «И слезами винограда Из чистейшего серебра / Да прольется ей услада / Просвещения и добра» (А. Бестужев – Марлинский); «Вот слезы ангельски вино, / За здоровье выпьем жен мы нежных, / Как сердцу сладостно оно» (Г. Державин). В более поздний период в русской поэзии воз-

никают и другие основания для сопоставления: например, струя вина звучит «как слезы сквозь рыдания» (И. Сельвинский); белое платье оказывается «заплакано вином» (Б. Ахмадулина).

Значительным количеством реализаций отличается в русской поэзии ММ *вино – свет*, представленная главным образом сопоставлениями напитка с солнечным, лунным и звездным светом. Такое вино отличается эстетическим совершенством: «Искры светлого вина – / Искры солнца огневого; / Чаша – майская луна, / Прелесть неба голубого. / Дай же солнечным лучам / С лунным светом сочетаться!» (С. Раич). Вино-солнце исполнено жизненной силы, оппозиционно мраку. Герой стихотворения И. Северянина, ищущий в вине забытья, вместо ожидаемого «черного безгрезья» встречает солнечный свет: «И что же? В соке сжатых гроздий / Сверкал мне тот же Гелиос!» («Героиза»). Ассоциация со звездным светом основана на блеске, искристости, общей высокой оценке: «Когда ж коснутся уст прелестных / Уста мои, / Не нужно мне ни звезд небесных, / Ни звезд Аи!» (Е. Баратынский).

ММ *вино – драгоценное* представлено сопоставлением вина с благородным металлом, прежде всего золотом, а также драгоценными камнями. Наиболее очевидное основание сопоставлений этого рода – цветовое сходство, например: «Портер, вино, что искрами пенно, / Каплет, что златом» (Г. Державин); «Посмотрите, как светла / Чаша чистого стекла! / Златом гроздий благовонных / Как сияет нам она» (П. Вяземский); «Рубин вина» (М. Волошин), «Плесните в чаши янтарь муската» (И. Северянин). Сопутствующим основанием сопоставления является способность кристаллов преломлять свет, результатом чего является сияние напитка, предстающего родственным как свету, так и огню: «И в винах сверкали рубин и янтарь» (А. Мей); «Горит хрусталь, горит рубин в вине» (И. Бунин); «Кипит шампанское в стакане, / Кипит и блещет жемчугом» (А. Хомяков) и др. Отметим, что в реализациях ММ *вино-огонь* помимо «цветового» и «светового» оснований сопоставления в русской поэзии присутствуют и иные, в том числе изначально не свойственные огню. Вино может представлять собой «ледяной огонь» (В. Брюсов), подобие жидкости: например, «огонь ... влаги» может быть налит в бокал «почти по капле» (В. Луговской).

«Словарь языка поэзии» Н.Н. Ивановой [5] включает в рамки одной образной парадигмы примеры сопоставлений вина с напитком, питьем, хмелем, ядом и др. В «Словаре поэтических образов» Н. В. Павлович [7] примеры уподобления вина жидкой субстанции того или иного рода вообще отсутствуют – по-видимому, вследствие смысловой близости субъекта и объекта сопоставлений. Нам представляется возможным выделить в качестве особых моделей ММ *вино – другой напиток* и ММ *вино – отравляющее вещество*. В первом случае главным основанием сопоставления является вкус напитка: вино уподобляется соку, нектару; во втором – яду, отраве.

Для старой русской поэзии типично сопоставление вина с влагой, получающей разнообразные характеристики – цветовые, звуковые, динамические и иные: это влага «золотая», «светлая», «шумная», «резвая», «задорная», «живительная», «огневая», «райская» и др. ММ *вино – вода* базируется главным образом на его текучести, а также звучании: «Стакана три шипящими волнами / Румяных вин налейте вы полней» (А. Пушкин); «Вина шипящего поток» (Н. Хвостов); «Плещите, как моря седые буруны, / Плещите нектаром, бокалы! (И. Северянин); «Вино в бочонках, как прибой, гуляет» (В. Луговской); «Точно черноморье, плещется вино» (Е. Рейн) и др. Уподобление вина водоему имеет основанием сопоставление как обилие напитка, так и «глубину», в которой можно утопить «суждение людей, заботы, горе» (Н. Раевский).

ММ *вино – ментальное* представлена уподоблениями вина объектам внутреннего мира человека. Повторяемостью на протяжении веков отличается ассоциация вина с положительными эмоциями и состояниями, отраженная, например, в частных ММ с объектами «радость», «веселье», «любовь», например: «Но кто узнал живую радость / Шипучих и колючих струй, / Того влечет к себе их сладость» (Ф. Сологуб); «Вино, вино, прощающая радость» (В. Луговской); «...вино сверкало / И, словно радость, утекало» (А. Бестужев-Марлинский); «О всемогущее вино, / Веселие героя!» (В. Жуковский); «Поэтический Аи / Нравился мне пеной шумной, \ Сим подобием любви» (А. Пушкин); «Янтарное вино / Как счастье, бродит где-то» (М. Колосова). Традиционными являются уподобления вина свободе, отмеченное и в старой, и в новой поэзии: «Его (аи – Е.К.) звездающаяся влага / Недаром взоры веселит: / В ней укрывается отвага, / Она свободой кипит, / Как пылкий ум, не терпит плена» (Е. Баратынский); «Напой меня вином - / Темно-красною свободой» (Вознесенский).

Аналогом вина в русской поэзии оказывается и все *бытие* человека. В стихах поэтов пушкинской поры повторяется уподобление вина молодой жизни. Например, в «К партизану-поэту» П. Вяземского вино отражает полноту жизни в период ее расцвета: «Дар благодатный, дар волшебный / Благословенного Аи / Кипит, бьет искрами и пеной! / Так жизнь кипит в молодые дни!».

Разные качества и свойства вина, особенности его воздействия на человека отражены в реализациях ММ *вино – поэзия*, *вино – орудие*, *вино – небесное пространство*, *вино – растение*, например: «Вино сверкает, как стих поэм» (И. Северянин) «Зелено вино – мыслям пагуба, / Телесам оно – как коса траве» (Есенин); «Я послал тебе черную розу в бокале / Золотого, как небо, аи» (А. Блок); «Жаркой розой глоток алкоголя / Разворачивается в груди» (С. Гандлевский).

Активное использование реализаций разных ММ при характеристике вина наблюдается у поэтов и старого, и нового времени. Например, цикл стихов В. Рыкова «В гостях у Диониса», посвященных крымским винам, представляет широкий спектр метафорических обозначений вина и его

свойств. Приведем некоторые примеры. ММ *вино – существо*: Плющом укрывшись до бровей, / До срока, видит бог, / Испанских яростных кровей / В подвалах дремлет сок» (о хересе); Не девочкой – женщиной зрелой / Вино привезут в Лиссабон» (о мадере); ММ *вино – кровь*: «Неподражаемы кагоры – / Земли родной густая кровь»; ММ *вино – огонь*: «Каберне, живой, как пламя, / Полыхает на столе»; ММ *вино – вода*: «Горчит, как волна океана, / Ее поцелуй на устах» (о мадере); ММ *вино – земное пространство*: «Вино сродни потухшему вулкану. / Оно немо, молчит который год. / Но лишь попробуй волю дать стакану, / Былую страстью душу обожжет» [8].

Отметим, что поэзия XX – XXI вв. использует как традиционные реализации вышеназванных ММ, так и иные, которым свойственны, как правило, большая степень конкретизации, а также некоторая обытовленность. Например, вместо традиционного вина-божества у Б. Пастернака появляется «голая русалка алкоголя», за которой устремляются «сквозь сутолоку вешалок и шуб»; вино – ткань выполняет функцию драпировки: «Если вы свой язык обернули / Красным бархатом Киндзмараули // Или алой парчой Хванчкары» (Е. Евтушенко). На способности вина уносить человека из дискомфорта для него действительности базируется новая ММ *вино – транспорт*, например: «Вино, вино! Ты – символ вдохновенья, / Аэростат от вздорной суеты» (И. Северянин). Вино может обладать дефектом речи: «вина картавая струя» (И. Сельвинский), обнаруживает сходство с частью тела человека: «Мускат в бокале розов, / Как пальцы на свету» (Ю. Мориц) и др.

Реализации ММ вина несут информацию о ряде признаков напитка.

Вино представлено в богатой цветовой палитре. Ему присущи разные оттенки красного (крови, огня, зари, рубина, розы, пурпура, румянца), желтого (золота, янтаря, солнца, луны). Оно имеет цвет черного винограда, засыхает на губах «черной кровью» (А. Белый), может быть светлым, как жемчуг, роса или белые цветы. В современной поэзии упоминаются и нетрадиционные цвета вина. Например, если понятие зеленого вина традиционно ассоциируется либо с водкой, настоянной на травах, либо с молодым, еще не созревшим вином, то в поэтических текстах XX–XXI вв. определение «зеленый» может быть именно цветовой характеристикой: это «хризолитная влага» (В. Луговской), «на донышке нефрит» (И. Вагнер). В стихотворении В. Мотрича «Не пейте синее вино» посредством развертывания ММ «вино – небесное пространство» представлен образ вина как синевы, наполняющей стакан, «кусочка сини».

В реализациях нескольких ММ находит отражение причастность вина к лучистой энергии, что обычно сочетается с цветовыми характеристиками. Вино несет в себе свет солнца и луны, отливает золотом, преломляет лучи подобно драгоценным камням, жемчугу, сверкает звездами и огнем. Свойство напитка пропускать свет отражено в сопоставлении его с прозрачными субстанциями и объектами – росой, слезами, драгоценными камнями.

Вкусовые характеристики вина в реализациях ММ распределяются в диапазоне от сладкого до горького. Вино представляется нектаром, сладостью, услугой для тела и души и т.п. Образы терпкого и горького вина в русских поэтических текстах отличаются амбивалентностью, обусловленной главным образом настроением, душевным состоянием человека, обстоятельством питания. «Пьяная горечь Фалерна» (А. Пушкин), «терпкое вино из «изабеллы» (С. Софер), маджари, которое «терпко язык обжигает» (А. Городницкий) и др. привлекательны для пьющего его в дружеском застолье или в том случае, если сопровождается хорошими воспоминаниями. В негативных для героя ситуациях (расставание, ощущение отъединенности от других и т.д.) вкус вина предстает едким, неприятным: оно «как полынь, горчит» (И. Астахова); «Терпкое, привычное вино / Так порой горчит, что впору плакать» (А. Боровлев); «...горькое оно, как одиночество» (А. Иванихин).

В реализациях ММ вина отражен его аромат. Помимо постоянных для поэзии золотого века характеристик («благовонное», «душистое», «благоуханное») вино в более позднее время «наделяется» ароматами широкого спектра, связанных с пряностями, растениями, огнем, даже временем года: коричный, полынный, обжигающий, осенний, запах лета (и летнего сада) и др. Н.Л. Зыховская, анализируя ольфакторную составляющую концепта «вино» в русской прозе XIX в., делает вывод об уходе из литературы положительных и условно-нейтральных характеристик вина и преобладании иронических и негативных коннотаций [4, с. 67]. В поэтических текстах, однако, подобная тенденция не проявляется.

Постоянными в русской поэзии являются характеристики вина в аспектах его текучести и консистенции: оно предстает «быстрым» и «медленным», густым, вязким, насыщенным воздухом и др., что определяется как видом спиртного, так и состоянием пьющего его человека.

Реализации ММ вина несут информацию о звучании напитка: это главным образом шипенье и шум, обусловленные как характером самого вина (например, шампанского), так и процессом наполнения соответствующих сосудов. Традиционное представление о вине как «шумной влаге», «шипящих волнах» дополняется в более новой поэзии такими характеристиками, как шуршанье, журчанье, бормотанье и др. Звучание вина может быть обусловлено способностью вина «вбирать» в себя то или иное эмоциональное состояние человека, например: «Вино виной пропитано буквально: / Она в нем булькает, она шибает в мозг...» (В. Радимиров). В поэтических текстах XX – XXI вв. встречаются упоминания о звоне вина: «И вино звенит из тьмы» (А. Тарковский); «пьянило оно... улыбкой, звенящей на дне хрусталя» (С. Пешкова); «Налью бокал янтарным звоном» (М. Павлов) и др.

Вино в реализациях ММ получает температурные характеристики широкого спектра, отражающие как объективное состояние напитка, охлажденного или нагретого, так и его субъективную оценку как чрезмер-

но горячего, обжигающего, теплого, прохладного или ледяного. Вино мерцает в бокале, «янтарным огнем согревая ладони» (А. Городницкий), создает «злой холодок в гортани» (М. Цветаева), оказывается «приятным, как в горле снежный ком» (С. Ерофеевский). В реализациях ММ вина проявляют себя и иные тактильные характеристики. Выпиваемое человеком вином оставляет впечатление о себе как о мягкой ткани, колет иголками язык и душу.

Вино в поэтических текстах представлено и в статике, и в динамике. Оно играет, как кровь в молодом теле, бежит, «Молнией в жилы / Быстро летит» (Г. Державин), а также совершает свойственные человеку действия – например, слагает стихи, диктует, советует и т.д. Человек оказывается для вина объектом разного рода манипуляций, совершаемых как с его телом, так и с внутренним миром. Вино обжигает, ласкает, целует, проливает в грудь «отрадное похмелье» (А. Пушкин), внушает те или иные чувства, беседует с человеком, проповедует «упоенья» или «отраву бытия» (Е. Баратынский), одурманивает, пронзает «души излучины» (А. Блок), обжигает душу «восторгом глотка» (И. Северянин) и т.д.

Исследователи, рассматривающие оценочный компонент концепта «вино», обращают внимание на наличие в народных представлениях как положительных, так и негативных представлений о вине. Например, А.И. Лызлов указывает, что в русской паремиологической картине мира вино оценивается как источник удовольствия, радости, веселья; отрицательная же оценка вина проистекает от вреда, наносимого физическому и умственному состоянию человека неумеренным употреблением алкогольных напитков [6, с. 95–96]. А.Г. Бойченко, характеризуя аксиологическую составляющую концепта как свидетельство дуалистического отношения русских к винопитию, отмечает, что «ядром этого поля концепта является негативная оценка состояния алкогольного опьянения» [1, с. 12]. И.С. Голованова, рассматривая концепт «вино» в поэзии XVIII в., делает вывод об изменении изначально негативной оценки вина на противоположную «в процессе освоения античного наследия» [3, с. 8].

Реализации ММ вина в поэтических текстах также отражают двойственное представление о напитке и его употреблении. Вино – катализатор радости, источник веселья, атрибут дружеских посиделок; ему свойственно устранять заботы и тревоги человека, предоставляя возможность утопить в нем, как в пучине, тоску, печаль, отчаяние и т.д. – и в то же время обнаружить там нечто ценное для себя, например: «Как нам не пить, когда в вине – забвенье, / И гордый мир, и бодрость, и мечты...» (И. Северянин). Положительное представление о вине отражается в его уподоблениях ценным, эстетически совершенным объектам (благородный металл, драгоценные камни, светила, цветы), в восприятии его как друга, собеседника, как божьего дара и т.д. Негативное представление о вине как о наносящем ущерб физическому, умственному и душевному состоянию человека отражено в реализациях таких ММ, как вино – кровь, вино-огонь, вино –

отравляющее вещество, вино – существо (причем в рамках практически каждой ММ присутствует и положительная оценка). Например, вино как существо является и «заступником любви», и «зачинщиком обид» (А. Пушкин); в напитке, традиционно ассоциирующемся с божеством и его дарами, может сидеть нечистая сила, побуждающая человека выпить и описывающая действие вина как действие дьявольской силы: «Багрый мой сок / Сбивает всех с ног <...> По жилам козлом / Промчусь напролом, / За сердце тебя ущипну» (Саша Черный). Огонь вина согревает, однако может и обжечь; кровь как аналог вина символически связана и с жизнью, и со смертью.

Разноплановость и вместе с тем общность характеристик вина представлена в многочисленных оксюморонных сочетаниях, например: «хладный кипяток» (П. Вяземский), «струей виноградной, / Бурно кипящей и искристо-хладной» (В. Бенедиктов), «старик молодой», «благодатный яд» (А. Пушкин), «одуряющее диво» (Н. Некрасов), «Со льдом раскаленным бокалы» (И. Северянин), «ледяной огонь» (В. Брюсов).

Метафорические модели связывают вино с важнейшими элементами мира – огнем, водой, земным и воздушным (небесным) пространством, со светом, божеством, с различными объектами неживой и живой природы. Образ вина может обретать поистине космические масштабы – как, например, в «Клятве на чаше» П. Васильева: «Брат держал в руках своих могучих / Чашу с пенным, солнечным вином, / Выбродившим, выстоянным в тучах, / Там, в бочагах облачных, шатучих, / Там, под золотым веретеном!».

Список литературы

1. Бойченко А. Г. Репрезентация концепта «Питие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2009. 24 с.
2. Глушкова Т. С. Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира (на материале паремий, анекдотов, тостов, текстов СМИ и рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 24 с.
3. Голованова И. С. Художественный концепт «вино» в русской поэзии XVIII в. (30–90-е гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 24 с.
4. Зыховская Н. Л. Ольфакторная составляющая концепта «вино» в русской прозаической традиции // Челябинский гуманитарий. 2015. № 2 (31). С. 61–69.
5. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии. Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. М.: АСТ, 2004. 666 с.
6. Лызлов А. И. Об оценочной семантике концепта «вино» в английских и русских паремиях // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та, 2012. Вып. 11. Т. 75. С. 95–98.
7. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1.
8. Рыков В. П. В гостях у Диониса. [Эл. ресурс]: [sugdeya.ru>index.php/enciklopedia/r/2463-pisowp](http://sugdeya.ru/index.php/enciklopedia/r/2463-pisowp).
9. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

**Религиозность творчества А. П. Чехова
(на материале языкового анализа рассказа «На Страстной неделе»)**

В статье рассматриваются языковые особенности и средства рассказа А.П. Чехова «На Страстной неделе», отражающие религиозность писателя, тщательно скрываемую от посторонних взглядов.

На примере языкового анализа этого произведения делается попытка понять тайну чеховского мировоззрения, его религиозности.

Ключевые слова: религиозность, религиозная тематика, языковые средства, церковная лексика.

Morozova Marina

**The Religiousness of A.P. Chekhov's Works
(Based on the Linguistic Analysis of the Story "In Passion Week")**

The article considers linguistic peculiar features and language units of A.P. Chekhov's short story "In Passion Week" reflecting the writer's piousness which he thoroughly concealed from everybody.

The linguistic analysis of this story lets the author of the article make an attempt to understand the secret of Chekhov's world outlook and his piousness.

Key words: religiousness, religious themes, language units, church vocabulary.

В дневнике Чехова за 1897 год есть небольшая запись: «Между "есть Бог" и "нет Бога" лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его, и потому он обыкновенно не знает ничего или очень мало» [3, с. 82]. По мнению Н.В. Ярец, «особая ценность данного высказывания в том, что оно, пускай только чуть-чуть, но все же приоткрывает завесу в "Святая Святых" – в сферу интимно-духовных переживаний Чехова, которые он тщательно скрывал от окружающих, будучи по натуре своей чрезмерно сдержанным человеком». Чехов видится ей «заблудившимся одиноким путником, который всю жизнь бродил по этому полю в состоянии духовного напряжения и колебания между двумя полюсами – веры и безверия» [8].

В литературной критике Чехова пытались представить равнодушным к религиозной истине, но он не был к ней равнодушен. Писатель постоянно искал, колебался, находился в постоянной борьбе с сомнениями.

Произведения А.П.Чехова, имеющие религиозную тематику, долгое время были как бы вне поля зрения исследователей. В настоящее время многие учёные пытаются постичь тайну чеховского мировоззрения, его религиозности. Для осмысления религиозности А.П. Чехова необходимо